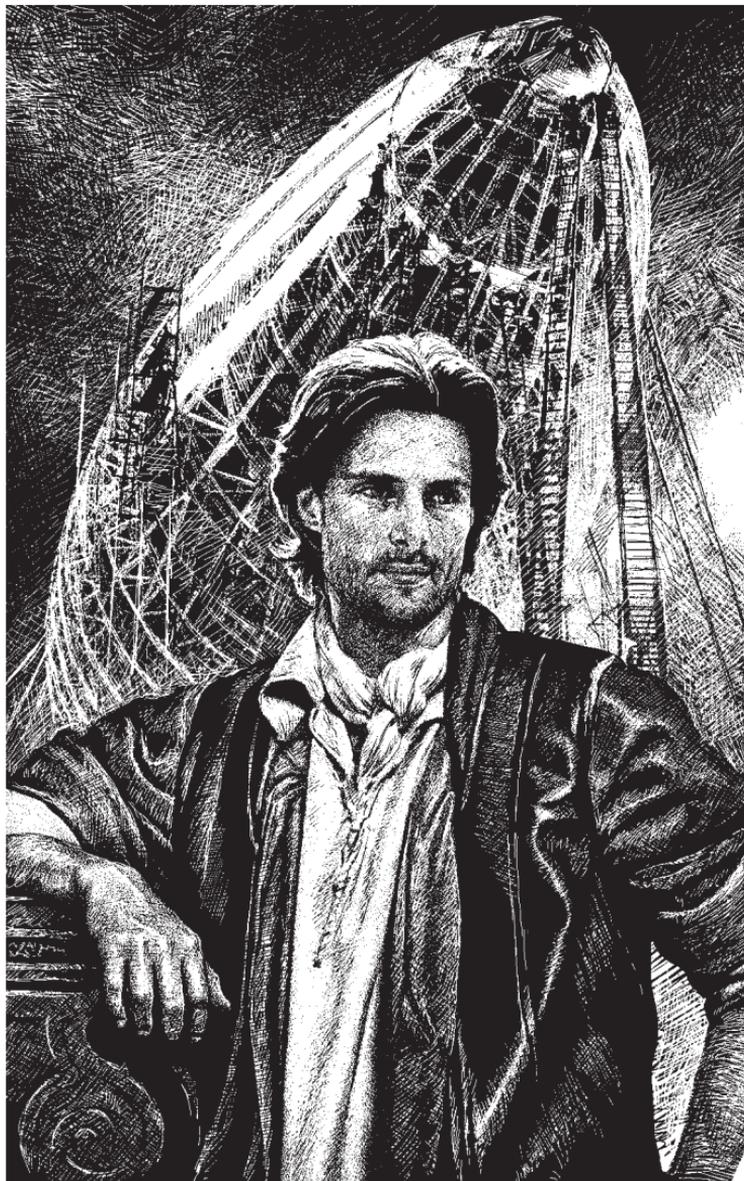

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Сергей КОРЖ

ПОСЛЕДНИЙ УЧЕНИК
МАГИСТРА

Роман

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К66

Серия основана в 2004 году
Выпуск 607

Художник
В. Федоров

Корж С.

К66 Последний ученик магистра: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 345 с.: ил. —
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2205-0

Вы взяли в руки книгу, на обложке которой написано «фэнтези», и в принципе этим все сказано. От себя лишь добавлю: Рэй ван Орж — наш соотечественник, бросившийся на помощь по первому зову. А как иначе, ведь он врач, и даже если в кои-то веки взял отгулы, чтобы съездить на рыбалку, плевать на все — ты должен работать и спасать! Но на этот раз к раненому прилагались и его проблемы... Вызов на дуэль, сын и месть оркам. Я говорил вам, что раненый был магистром магии? Нет?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сергей Корж, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2205-0

Вот невезуха! Все люди как люди! Упал, потерял сознание, очнулся — гипс. То есть не совсем гипс, а как бы полная задница. Либо в космосе, на свалках битых кораблей, из дерьма конфеты лепят, либо в сорок первом советы Сталину дают, а я вот не упал, сознания не терял, ехал себе на рыбалку, на которую в кои веки собрался. Все то одно мешало, то другое, но наконец, плюнув на всё и всех, взял три отгула из тысячи мне положенных за переработки, сел в старенькую «Ниву», доставшуюся мне от отца в наследство (она честно отслужила ему лет двадцать и вот уже который год возит меня на подобные мероприятия). Но не о ней разговор, тем более что, по всему виду, ни «Нивы», ни родного города мне не видеть. Уж простите за тавтологию. А дело было так. Еду я, еду на свое любимое место на берегу Днестра, и осталось мне проехать буквально метров пятьдесят. Я уже в мечтах установил, как обычно, свой лагерь и уже закинул донки, наладил удочки, стал заговаривать зубы очередному червяку, упорно не желающему сесть попойкой на крючок, как вдруг краем глаза заметил в придорожном кустарнике изумрудного цвета блеск. И не просто постоянный блеск, а пульсирующий, причем очень похожий на сердечный ритм, я-то в этом деле дока, в прямом смысле этого слова. Позвольте представиться — Коржик Сергей Иванович, фельдшер «скорой помощи», сорок два года, был женат дважды, трое детей. Практически все как у всех нормальных людей, только мне, для того чтобы понять, что я по жизни волк-одиночка, надо было все-таки жениться дважды. Слава богу, отец дожил до конца моих экспериментов с семейной жизнью и ушел, оставив мне машину, квартиру и гараж.

Так вот, заметив пульсацию, я непроизвольно остановил машину, выключил мотор, вытащил ключ зажигания из замка и, открыв дверцу, стал внимательно высматривать, что же там блестит.

Да это битая бутылка! Я выругался и уже собрался уезжать, как блик засигналил азбукой Морзе три длинных, три коротких, три длинных. SOS, мать вашу! Я схватил сумку фельдшера и уже не раздумывая кинулся на сигнал. Вот так нас, дураков, и ловят! Спасите! Помогите! Мы сломя голову протягиваем руку помощи, а нас за эту руку хватить и...

...И стою я в глухом лесу, деревья высотой метров под тридцать—сорок, подлесок дикий, под деревом напротив меня лежит ничком тело. Из спины торчит стрела, плохо торчит, потому как прошла она в опасной близости от сердца, и не поставлю и пяти копеек на спор, что она там внутри не зацепила один из крупных сосудов. Тем не менее раненый, а скорее убитый налицо, я ближайший к нему медик, надо работать. Щупаю пульс — слабый, осторожно поворачиваю тело на бок, виден наконечник. Хорошо, что виден, хреново, что ржавый. В голове вдруг зазвучал чей-то голос:

— На поясе в кармашке фиал с шариком на крышке, влей содержимое мне в рот.

Даже не задумываясь, кто или что и мне ли это говорит, я быстро нашел баночку с шариком на крышке, слегка подвернул голову пациенту и влил содержимое ему в рот. Тот же голос пару минут спустя:

- Стрелу вытащи.
- Будет больно, вытерпишь?
- Тащи.

На ключе зажигания у меня висит швейцарский мультитул. Память об одном больном, подарок за вовремя оказанную помощь. Тоже вот так проезжал мимо, смотрю, мужик за рулем стоящей машины как-то неестественно голову закинул, я к нему — здравствуйте, товарищ Инфаркт. А на улице жара под сорок. Короче, мужик, оклемавшись, принес мне мультитул в подарок.

Вот и теперь этот подарок пригодился. Раскрываю пилу, отпиливаю наконечник и потихоньку вытаскиваю древко из тела. Собрался быстро раздеть и перевязать страдальца, но был остановлен тем же голосом:

— Мне уже ничем помочь нельзя, заговоренная орочьим шаманом стрела никому шансов на жизнь не оставляет. Я прожил после ранения так долго только потому, что сам маг не из последних. Все же магистр.

Я закрутил головой, выискивая злобного Шрека, выцеливающего меня из лука.

— Не бойся, их здесь нет, я в последний момент ушел порталом, прихватив из раскопа древний артефакт — он, кстати, лежит в сумке, — но шаман, сволочь, успел выстрелить. Из портала я вывалился практически мертвым, успел активировать «последнего помощника» и потерял сознание.

— Простите, магистр, что перебиваю, кто-то из нас двоих сейчас галлюцинирует. Скорее всего, вы, ибо в моем мире орки и маги — придуманные персонажи, живут только в сказках для детей. Я врач, по простоте душевной кинулся на помощь, меня позвал блеск светлячка. Не мог я в пяти шагах от машины потерять сознание.

— «Последний помощник». — Магистр закашлялся и, пошарив по поясу, нашел еще один флакончик, но уже зеленого цвета, и вместо шарика там был грибок.

— Извини, док, но мои знания не могут умереть вместе со мной; мало того, у меня есть пара обязательств и пара долгов, по которым надо обязательно заплатить, ибо это дело чести. Заклинание «последний помощник» — одно из моих изобретений, оно не выдергивает из Пелены кого угодно, а только того, кто подойдет по двум десяткам параметров. Ты одинок, тебя никто не ждет, ты образован, ты молод, и в тебе есть Искра. Это, так сказать, первое приближение, остальные качества не менее важны, но и по ним ты близко стоишь к идеальному кандидату.

— Еще раз прошу прощения, кандидату для чего? И насчет молодости вы ошиблись: мне, знаете ли, уже сорок два.

Магистр, услышав цифру, закашлялся от смеха.

— Как тебя зовут?

— Сергей Иванович Коржик.

— Мне, чтобы ты знал, двести сорок лет, и я среди магов самый молодой магистр. Был. — Маг замолчал, потом, вздохнув, сказал: — Кандидату на звание Последнего Ученика. Имеется у меня пара артефактов, они передадут тебе все мои знания, а так как у тебя есть Искра, то и мои магические возможности тоже. Только тебе, чтобы достигнуть моего могу-

щества, придется из своей Искры зажечь Пламя, а там, если тебе повезет и останешься жив, то и Звезду архимага. Возьми этот фиал и после окончания процедуры выпей. Очень хорошее средство, гарантирую, сбросишь с десятков годков, тридцать лет — лучший возраст для мужчины. Этого фиала тебе хватит лет на двадцать, потом сделаешь себе еще, ингредиенты, конечно, редки, но не настолько, чтобы ты их не нашел.

Я огляделся, ущипнул себя за нос, надавил на глаза пальцами, открыл их — глюк не проходил.

— Давай поторопимся, времени у нас мало, а мне тебе еще много чего рассказать надо. Надевай этот обруч на голову, это обучалка; надевай перстень на указательный палец левой руки, это накопитель Пламени. Видишь этот камень? Кровавик, самый мощный накопитель из известных камней. Должен контактировать с телом, поэтому носится либо в виде кулона на груди, либо в перстне, но с обратной стороны. На мне есть и кулон, когда все закончится, снимешь. Вот этот перстень — артефакт Ветра, этот — Огня, этот — Воды. Обучалка тебе все расскажет. И не бойся ничего. Там внутри я записал себя в роли учителя. Клянусь Тремя Стихиями, что не замышляю ничего плохого против тебя. — Перстни на моих пальцах вдруг разом полыхнули разноцветными огнями. — Видишь, клятва принята.

— Кем?

— Магией. Поклявшись стихиями, маг не рискнет ее нарушить.

— Почему?

— Так его же стихии тут же разорвут на клочки. Но мы отлеклись, а время не терпит. Запомни, когда все кончится, снимешь с меня снаряжение и одежду, оставишь только белье. Тело же закопай в корнях этого дерева и сразу уходи на восток. На расстоянии примерно полдня пути — река. Там постираешься и переоденешься. И запомни, отныне ты Рэй ван Орж. Это доброе имя для мага и воина. Сделай крестообразный надрез на моей правой ладони, такой же у себя. А сейчас дай мне свою руку, мой Последний Ученик.

Мы сцепили окровавленные ладони. Последнее, что видели мои глаза, это молния, ударившая из его кулона меня в лоб. Я в детстве пару раз влезал в розетку, кто помнит ощущения, когда тебя держат и лупят крапивой по всему телу, меня поймет.

— Х-ха-а-а! — выдохнули легкие остатки воздуха и вновь наполнились. В глазах еще мигали фейерверки, а рука уже опрокидывала в рот зеленый фиал. Я еще раз потерял сознание. Не знаю, сколько я пролежал рядом с телом магистра, но, когда пришел в себя, мне показалось, что наступило утро. Давненько я не чувствовал себя так хорошо, маг не обманул. Во-первых, я — это я, память никуда не делась, во-вторых, в теле появилась давно забытая легкость, в-третьих...

А в-третьих, надо делать отсюда ноги!

Я быстро раздел покойника (мне, кстати, не привыкать иметь с ними дело), снял с него кулон, пояс с небольшим кинжалом и довольно тяжелым кошельком, кожаную на вид сумку, плащ, шаровары, рубаху, шитую серебром жилетку, берет с тремя перьями, сапоги. Все это досталось мне в наследство от самого молодого магистра королевства Дэя ван Бара. Кстати, о самом королевстве. Едва я вспомнил о нем, как перед глазами словно бы открылась страница энциклопедии. Карты, основные города, границы герцогств, баронств. Реки, дороги, общие границы государства, названия сопредельных стран. Зеленая точка, я так понимаю, это я. Джипих! Мама моя дорогая! Так, ближайший город... ага, вот он. Открылась следующая страница. Город Рабат, столица одноименного герцогства, стоит на реке Олодь, порт, гостиницы, крепостная стена, замок герцога.

Ладно, закрываем энциклопедию и займемся делом.

С помощью кинжала выкопал неглубокую могилу, прикрыв лицо мага своей панамой, предварительно освободив ее от всех рыбацких приبلуд, присыпал тело землей.

— Что тебе сказать на прощанье, магистр Дэй? Если в самом деле все случилось так, как ты говоришь, и я не лежу в кустах, потеряв сознание от инсульта, то спасибо тебе за все! Это же не круиз по Средиземноморью в консервной банке среди сотен потеющих мужиков, орущих детей и, мягко говоря, не благоухающих женщин, это приключение на всю жизнь.

Теперь надо определиться с востоком. Карта всплыла в памяти отдельным окном. Утро, солнце, мне надо топтать на солнце. Попутно оглядывая стволы деревьев, убедился, что природа везде одинакова, мох гуще рос на северной стороне. Оглянулся в последний раз на то место, где должна стоять «Нива», вздохнул, собрал свои и покойного мага пожитки и тронулся в путь.

Помаленьку, потихоньку вскоре я научился обходить заросшие кустарником буреломы, примерно выдерживая направление по заранее выбранным ориентирам, каждый раз сверяясь то с картой в памяти, то с положением солнца. В моей сумке, кроме необходимого минимума лекарств, бинтов, жгутов, медицинского инструментария и двухтомника «Справочник практикующего врача», была и бутылка слабогазированной воды. Она-то и спасла меня от жажды. Как ни странно, но по пути мне не встретился ни один ручеек, хотя идти пришлось долго и под уклон. Тем не менее вот река, вот берег, попробовал водичку на температуру — градусов пятнадцать, на вкус — обычная питьевая, довольно чистая, я с берега видел дно на полутораметровой глубине. Что там маг говорил? Постираться и переодеться. Согласен, что в тельняшке, джинсах и сандалиях выгляжу несколько вызывающе для местного бомонда. А пройдуся-ка я по карманам, своим и магистровым, посмотрю, что прихватил с собой из родного мира. Сумка медбрата, ключи от машины, мультитул, зиппо. Я некурящий, но в подобных отрывах на природу постоянно беру с собой зажигалку, и зиппо лучшая из них. «Оса» — четырехствольный стоппер, мало ли, еще один нож, так рыбку почистить, колбаску нарезать. Часы наручные механические, туристический фонарь на солнечной батарее и с практически вечными светодиодными лампами. Рыбацкие приبلуды, пяток крючков, пара воблеров, три разнокалиберных свинцовых грузила и метров десять лески. В заднем кармане джинсов портмоне, в нем паспорт, права, немного денег, телефон «Нокиа», наушники и полная восьмигигабайтная карта памяти моей любимой музыки. Не все подряд, и далеко не все исполнители «вечножующие звезды поп-эстрады». Я и сам поигрывал на гитаре, но не более. Именно поигрывал, то есть знал несколько аккордов и пару переборов. Так, лирику пока в сторону, в животе что-то буркнуло, намек более чем ясный: «надо бы пожрать, хозяин».

Проверив одежду мага и лишний раз убедившись, что местная мода до карманов не дошла, притопил ее у берега, пусть отмокает. Быстро соорудил удочку, насадил на крючок какую-то муху-цокотуху, украденную мною у проспавшего все на свете паучка, и первая рыба уже пляшет на берегу. Еще пару забросов, еще пару рыб, их мне хватит на обед. Я никогда не хапал у природы. Надо будет, вечером еще поймаю. Собрал

сухих веток, сложил шалашиком, обложил ветками потолще, поджег, и пока костерок прогорал, почистил рыбешку. Насадил на колышки из сухих веток, пристроил их у костра, а сам пошел стирать одежду. Спустился чуть ниже по течению, вывернул вещи наизнанку, натер смесью глины и песка, прополоскал хорошенько и повесил на кусты сушиться. К этому времени рыба подрумянила себе бока, и я съел ее пресную, так как вся моя соль осталась в прошлой жизни. У мага в сумке было полно всяких баночек с различными кристаллами, но я благоразумно решил не рисковать здоровьем. Вот так лежал я на бережке, никого не трогая, листая энциклопедию, посматривая на карту, и вдруг заметил на ней, что по реке ко мне двигаются два красных огонька.

Кто бы это? Костер еще тлел, стирания одежда, живописно разбросанная на кусте, сохла, я полуголый — идилия! Нет, кого-то несет. На всякий случай взял в руку «осу». Наконец из-за кустов показалась лодка, в ней два косматых индивидуума. Послышался радостный вопль, бродяги резко ускорились, лодка ткнулась носом в берег, бродяги выпрыгнули, один с веслом, другой вроде как с мечом. Дважды ахнула «оса», каждый грабитель лишился по глазу и сознанию. Оглядев их издали на предмет хабара и не углядев ничего похожего на кошельки, я их же веслом спихнул бессознательные тела в реку. А что? Пусть плывут, куда-то же они плыли.

Тэ-экс, осмотрим корабль. Лодка как лодка, строганные доски, смоленные борта, плоскодонка. Внутри пара мешков, становится интереснее. Вываливаю содержимое на берег.

Опа! Котел, бронзовый, несколько килограммовых мешочков крупы, несколько луковиц, кусок сала килограмма на полтора, завернутый в тряпицу, соль, каравай хлеба. Где вы, сучьи дети, раньше были? Отряхнув все от песка, сложил обратно, второй мешок обрадовал различной мелочью, которую эти уроды, скорее всего, где-то украли. Шкатулка с иголками и нитками, узелок с монетами, на вид серебро и медь, моток тонкой, но очень крепкой веревки, пара новеньких сапог. Прикинул к ноге — вроде бы мой размер; пара отрезков плотной ткани, кресало, банка с какой-то мазью и еще какая-то хрень непонятного мне назначения. Кроме того, в самой лодке лежали неплохой, на мой взгляд, топорик и наконечник от копья, коим, по моему разумению, можно было не только колоть, но и рубить. В общем, два выстрела «осы» удалось обме-

нять довольно удачно, грех жаловаться. Подобрал из воды уроненный незадачливым грабителем клинок, оказалась неплохой стали шпага.

До города было довольно далеко, дней пять пути, так что лодка мне попалась очень кстати. Вечерело. Одежда высохла, я аккуратно зашил дыры от стрелы, придав штопке вид вышивки, на плаще получился зеленый листок, на жилетке — желтая звездочка, на рубахе — синий цветок. Переоделся, решив переночевать на берегу, порыбачить на вечерней зорьке, перекусить, хорошенько выспаться и уже утром тронуться в путь. Клев был сказочный, я получил истинное удовольствие, за полчаса поймал десяток приличных окуней, свернул снасти, взбодрил костерок и запек рыбу с прицелом на то, что утром позавтракаю и сразу в путь.

Пока рыба запекалась, занялся шпагой. Где песком, где найденным в тряпках куском шерстяной ткани очистил клинок и гарду от ржавчины, а рукоять от грязи, отрезал кусочек сала и смазал им нужные места. Так как ножен и перевязи нигде не наблюдалось, то повесил оружие за хитро закрученную гарду на куст рядом с костром. Найдя на берегу приличную корягу, сунул ее в костер, нарубил веток для лежака, застелил плащ, им же и накрылся и уснул.

— Здравствуй, ученик! — Магистр сидел в кресле передо мной живой и здоровый. — Увы, если ты уснул и увидел меня перед собой, значит, я погиб, но очень надеюсь, что успел тебя вызвать. Так или иначе, обучалка в тебе, и теперь тебе предстоит определенную часть жизни прожить со мной в голове.

Я машинально оцупал голову на предмет обнаружения обруча. Маг засмеялся:

— Не все так просто, ученик, я же сказал «в тебе», а не «на тебе». В результате заклинания артефакт переместился к тебе в голову. Не беспокойся, там достаточно места для него. Сам обруч служил заклинанию усилителем перемещения и поэтому рассыпался в прах. Амулет съежился до размеров жемчужины и установился в районе мостика, соединяющего оба полушария мозга. Это он открывает тебе мою библиотеку, в частности, энциклопедию и карту. Для начала я покажу тебе твою Искру и путь ее превращения в Пламя. Сразу скажу: путь превращения одаренного в мага труден и опасен, по-хорошему, тебе бы забиться куда-нибудь в глухомань лет на де-

сять—двадцать да потихоньку грызть академический курс, попутно раздувая Искру в Пламя. Но мы, люди, нетерпеливы в своей жизни, считаем, что она несется мимо нас. Для большинства это действительно так, но не для магов, маг живет столько, сколько хочет. Мой случай не в счет, я ударился в науку, жадно черпая знания из различных источников, экспериментировал, получал прекрасные результаты. Два из них ты испытал на себе, разве они не хороши? Ты пойдешь дальше, и знаешь почему? Заклинание «последний помощник» можно трансформировать для путешествия сквозь Пелену. Ты, достигнув определенного могущества Пламени, никак не меньше моего, а нужно будет, и большего, сможешь вернуться к себе домой. Именно для того чтобы иметь возможность путешествовать за Пелену, я и рискнул жизнью, раскапывая древний орочий курган. Именно в этом кургане был похоронен древний шаман, который привел к нам сквозь Пелену орков. Амулет спит, в него надо влить огонь Пламени. А пока он спит, его невозможно отследить. Когда будешь готов, не медли. Активировал и ушел, иначе шаманы смогут заблокировать его, повиснув гирями на тебе, связав заклинаниями. Но до этого, ученик, тебе придется долго шагать. Десятилетия.

Что сказать? Кто рыбак, понимает: нет рыбы, которую невозможно поймать. Нужна лишь подходящая приманка. Возвращение домой — разве это не стоит усилий? Жертв? Я не просто клюнул наживку, я ЗАГЛОТИЛ ее!

Маг тем временем продолжал:

— Орки пойдут по моему следу, не скоро, но найдут место выхода из портала, тем более там остался лежать заговоренный наконецник. А там их будет ждать «дерево-страж». Это тоже одно из моих последних заклинаний. Чем больше орков придет, тем больше удобрения получит дерево, тем сильнее оно будет становиться. Ох и долго шаманам придется ждать своих охотников. Но к делу. Ляг на спину, открой глаза, посмотри на небо, выбери себе первую попавшуюся звезду и перемести ее огонек к своей Искре. Представь себе, что твоя Искра — это костер, а ты подбрасываешь в него ветки. Каждая звезда — это ветка, ты должен ощутить в себе с каждой веткой прибавление Пламени.

— Магистр, а вы знаете, что каждая звезда в небе — это чье-то Солнце. Точно такое же, как и то, что греет своими лу-

чами вашу планету. Кстати, как вы зовете свое Солнце? А планету?

— Читай энциклопедию, ученик, раздел «Астрология и астрономия», там все есть, а теперь займись своим костром, ему катастрофически не хватает дров. И не переживай, утром проснешься отдохнувшим, бодрым, полным сил.

Целую ночь, как мне показалось, я таскал эти звездочки себе в костер, на двухсотой я заснул и проснулся утром действительно отдохнувшим и бодрым, быстренько позавтракал, погрузил свой немудрящий скарб в лодку, столкнул ее и поплыл по течению.

Лодка попала на фарватер, ее подхватил поток, и она поплыла себе не спеша, я же, разлегшись на ветках своего лежака, привязал воблер к леске, леску к сиденью, а сам принялся читать энциклопедию. За неделю, пока я доплыву до города, мне нужно узнать очень многое, в первую очередь законодательство королевства, во вторую — финансовое дело. Кстати о деньгах, совсем не сложно: сто медяков — серебряк, сто серебряков — золотой. Для сравнения, мера мяса (приблизительно килограмм) стоила медяк, корова — три серебряка, поросенок — восемь медяков. Мера зерна (десять кило) стоила пять медяков, хлеб-каравай (трехкилограммовый калач) — два медяка. Комната для дворянина в гостинном дворе провинциального города — серебряк в месяц, в столице герцогства — три серебряка, в столице королевства — пять серебряных монет, а вот еда стоила везде одинаково. Налог с дохода — барону, он — графу, тот в свою очередь герцогу. Герцог — королю. Пять герцогов, все родственники короля. За бунт против короны, независимо от положения, богатства и родства, единственное наказание — смерть.

Рабства как такового в королевстве не было, но должники отработывали свои долги чуть ли не пожизненно, но не более двадцати лет, и только в одном поколении. На дорогах разбойничали, в городах воровали, но все как-то без излишней злобы. Смертная казнь для злодеев применялась редко, ее надо было заслужить на каторге минимум годом ударного труда.

Магическая академия была в столице королевства. В нее брали с двадцати лет как вполне сформировавшуюся личность, осознанно идущую по трудному пути раскачки Искры, зубрежа заклинаний и визуализации стихий. Университеты

существовали в каждой столице герцогства, в них попадали только отличники учебы, закончившие обучение в начальных школах для детей в каждом баронстве и графстве. Туда попадали самые толковые и сообразительные.

Армия и флот. Университеты заканчивали дворяне и самые умные из простонародья, первые шли в армию, вторые на флот. Постоянное соперничество во всем — в знании этикета, во владении оружием, отбить девушку у соперника, перепить его в пьянке, вызвать на дуэль и покрыть соперника мелкими порезами, обескровив его, — считалось высшим шиком среди молодой королевской элиты.

Наконец, церковь. Как же без нее. Как ни странно, во всех королевствах было единобожие, и высшим почитаемым существом было Солнце. Звали его на местном языке Праматерью всего сущего. Понятия «планета» не существовало. Также почитали и Землю — по ней ездили, на ней строили, ее пахали, за нее умирали, в ней заканчивал свой земной путь всякий родившийся. Землю называли Праотцом. Эти два культа Солнца и Земли были самыми популярными. Существовал и пантеон богов помельче, все они прекрасно уживались между собой. Храмы находились на самообеспечении, платили в казну налог и занимались первичным просвещением, лечением и совершением обрядов — посвящения Праматери младенцев, бракосочетания пар, отпевания и кремации после смерти, поэтому кладбищ не было, было ритуальное сожжение. К покойнику приходили с последним подарком — поленом, а на заднем дворе церкви существовало специальное место для кремации, покойника сжигали, прах развеивали, но не весь, часть его собирали в горшок, в него досыпали землю и высаживали многолетний цветок. Уход за этими цветами и был данью памяти об усопших родичах. В народе эта процедура называлась «уход к Праматери».

Цена на услуги священника была установлена столетия назад и с тех пор не менялась — два медяка. Нищета начиналась тогда, когда в кармане не оставалось и двух пятакон священнику на отпевание.

В королевствах существовали гильдии. Ремесленников, по интересам, купцов по состоянию, магов по наличию Искры. Каждый одаренный обязан был принести клятву стихиями гильдии и королю. Приставка «ван» в имени говорила о наследном дворянстве, «тан» говорила, что человек просто-

людин, но окончивший университет. Даже король носил титул «ван», но, как говорится, он был всего лишь первым из дворян, и не более.

Священниками, посвященными Праматери, были исключительно женщины, Земле, естественно, мужчины, и те и другие имели право на семью и, как правило, были многодетны. Доходы с ритуалов делились пополам, половина уходила в казну, половина оставалась священникам. Из этой половины половина шла на нужды деревни, а именно устройство трех праздников: весной, после сева, праздника Праматери, осенью, после сбора урожая — Праотца-Земли, и дня рождения короля. Как ни странно, но короли рождались только зимой.

Церковь была в каждой деревне одна, в городе — в каждом квартале. Вид церкви, внутреннее убранство, одежда священника — все было строго регламентировано и подчинялось линии «Строгая аскеза». Во всем. В пище, одежде, удобствах. У священников был свой университет, учиться в котором мог каждый, будь он дворянин или простолюдин. По окончании семилетней учебы послушник направлялся на семилетнюю практику в сельские церкви, по окончании практики одни восполняли естественную убыль священников, другие строили новую церковь. По закону любое поселение начинается с церкви. Сначала строится храм, потом вокруг него, по одному для всех поселений проекту, селятся крестьяне, ремесленники, отставные воины.

Что-то дернуло лодку, я закрыл энциклопедию, глянул на карту — я был единственный человек на двадцать верст, так я примерно определил радиус действия «радара». Леска! Она-то и послужила причиной рывка, ну не она, а рыба, решившая полакомиться наживкой. Представляю ее ощущения: заглотала сверкающую безобидную рыбешку, а та вдруг стала рвать ей внутренности. Метрах в десяти из воды выпрыгнула большая рыбина, дергаясь на крючке и пытаясь, видимо, выплюнуть сумасшедшую рыбешку. После получасовой борьбы рыба сдалась и обреченно позволила себя вытащить в лодку.

Наш судак, а на языке королевства — чорон. Кстати о языке, его знание я получил в момент, когда заклинание «последний помощник» оценило мои параметры и признало достойным звания Последнего Ученика. Амулет, брошенный магом сквозь время и пространство, выбрал меня из сотен проезжа-

ющих той дорогой, активировал переброс, вот тогда-то я и получил знания местного языка и еще пары наречий, которыми обладал на тот момент сам магистр. Как получилось с моторикой лицевых мышц, не знаю. Вроде и на Земле нас не сильно выворачивало, когда мы говорили по-английски. Итак, чорон.

— А давай-ка, друг чорон, мы попробуем тебя на вкус, — пробормотал я вслух.

Приглядев пологий песчаный берег с редким кустарником, я направил лодку в маленькую бухточку. Освободив и смотав снасть, почистил рыбу, нарезал кусками, черпанул воды котлом из реки и поставил на костер. Долго ли вариться рыбе? Соль, лист какой-то травы, по запаху очень похожей на лаврушку, горсть пшена, и вуаля — садитесь жрать, пожалуйста.

Поел, остатки кулеша положил в лодку, накрыв котел листом какого-то лопуха. Плыть дальше сегодня я не собирался, торопиться пока было некуда, знаний для спокойного вхождения в общество недостаточно. Поэтому «учиться, учиться и еще раз учиться». В два приема вытащил лодку на берег и с помощью небольшого бревна, найденного тут же на берегу, придал ей горизонтальное положение, натянул тент из плотной ткани, нашедшейся во втором мешке, завалился на лежак и открыл энциклопедию. Станным образом, но раз прочитанное накрепко запоминалось.

Продолжаю изучать раздел «Обществоведение».

Обращение дворянина к простолюдину — «ты», дворянина к дворянину — «ван», к даме — «вана», к девушке-дворянке — «ванесса», к священнику любого ранга — «брат» или «сестра». Причем так к ним обращался и простолюдин, и дворянин. Никаких величеств, высочеств, сиятельств. К королю — «мой король», к герцогам, графам и баронам, соответственно, по титулу — «герцог», «граф», «барон». Простолюдин к дворянам обращался «ваша милость», и никак иначе. Каждый ребенок в возрасте семи месяцев, независимо от высоты положения и состояния родителей, посвящался Праматери, о чем оставлялась соответствующая запись в храмовой книге города или деревни, в которой родился ребенок.

— Оппа! А ведь это проблема для легализации! — вынырнул я из состояния полусна «обучалки» в реальное осознание. — Придется решать эту проблему в ближайшее время. Рэй ван Орж как-никак наследный дворянин, и хотя королев-

ство большое и дворян разной степени богатства и родства как собак нерезанных, по закону подлости всегда найдется тот, кто знал твоих родственников, но не видел среди них тебя. Кстати, «Орж» в титуле обозначал герцогство. Герцогство Орж. Дословно: Рэй — фамилия, ван — дворянин, из Оржа. Как д'Артаньян из Гаскони. На протяжении всей книги ни разу вы не встретите имени шалопаю, удравшего из глухомани в столицу.

Быстренько глянул на карту королевства в поисках герцогства Орж. Зажатая с трех сторон горами территория, равная по площади Италии, три реки, пара озер и горы, напичканные всевозможными полезными ископаемыми. Если бы не эпидемия, странно поразившая герцогство трижды за столетие, оно бы было самым богатым из пяти.

Три раза ха и два раза ха-ха. От столицы королевства до герцогства — как до Киева раком. Мало того, в герцогстве вымерло две трети населения, некоторые дворянские семьи вымерли под корень. Кстати, как и гасконцы на Земле, дворяне из Оржа были необыкновенно честолюбивы и драчливы. Маги среди них попадались довольно редко, но вот военные всех рангов — сплошь и рядом. Острый ум, острый язык и острый клинок — это было самой верной характеристикой для дворянина из герцогства Орж.

Та-ак, а что нам скажет энциклопедия о фамилии Рэй? Баронство. В медвежьем углу герцогства Орж. Прэлестно. Пусть скажут проверяют. Три тысячи чертей! Нет, здесь говорят «три тысячи хрогов!» (хрөг — противная вониючая крыса).

Праматерь! Так я еще и дуэлянт по натуре? Да мне проще самому зарезаться! Все мои познания о поединках на шпагах базировались на двух сериях «Трех мушкетеров» с Боярским в главной роли, на песне «Вжик, вжик, уноси готовенького» в исполнении Миронова и обширной практике оказания первой медицинской помощи пострадавшим в бытовых драках от колото-резаных ран. Все! Ну-ка, глянем, что по этому поводу нам говорит киножурнал «Хочу все знать». Открываю «обучалку», ищу «фехтование». Есть! Только тут оно называется «искусство владения оружием». Читаем. Ага, пять герцогств, пять школ. Естественно, очень сильная конкуренция, практически вражда. Но в спорах, как говорится, рождается истина, а в споре шпаг рождается непревзойденный стиль убивать себе подобных. Король, конечно, как мог, запрещал дуэли (вы, навер-

ное, помните Людовика XIV, сыгранного Табаковым: «Все! На сегодня больше никаких дуэлей, господа! Я вам приказываю! Хватит дуэлей!») Единственное, чего он смог достичь, так это введения в моду «милосердной дуэли». Считалось высшим шиком нанести десяток, а то и два десятка царапин и порезов, пока противник не упадет от потери крови. Победителей таких дуэлей воспевали в балладах, проигравшим посвящали эпитафии или в худшем случае эпитафии.

Углубим свои познания в искусстве убивать себе подобных. Перелистываю страницы и нахожу заглавие «Школа Орж». «Обучалка» захватила мое сознание, я превратился в марионетку и прыгал там, в своем виртуальном спортзале, со шпагой в руке, отбивая удары, нападая сам, наносил уколы и порезы. Очнулся вечером, умылся, доел оставшийся кулеш и завалился спать.

— Здравствуй, ученик! Продолжим наши занятия. Ты одаренный, в тебе горит магическая Искра. Но что такое магия? Я определил ее для себя так. Магия — это пятьдесят долей веры, тридцать долей силы Пламени, десять долей трудолюбия и десять долей удачи. В тебе может гореть «Звезда Матери», но без веры в реализацию заклинания ты не зажжешь и засохшую травинку. И наоборот, были случаи в истории, когда всего лишь Искрой и верой сжигались стотысячные армии.

— Итак, магия, четыре стихии — Огонь, Вода, Земля и Воздух. Сплав всех стихий — артефакторика. Все направления применимы как в быту, так и в бою. Все зависит от силы твоего воображения, маг должен точно понимать и представлять себе воочию результат своего воздействия на вещество, природу, существо. Если ты обладаешь стихией Воды и собираешься облить своего друга водой, представь себе воду, ощути ее вязкость, температуру, цвет и вкус. Добавь Пламени и выплесни воображаемую тобой воду в его сторону. Будь осторожен! При недостатке воображения и Пламени ты можешь ударить его куском льда, при избытке Пламени обварить кипятком, и только золотая середина позволит довести твою шутку до реализации. Поэтому трудолюбие шагает рядом с верой, а удача рядом с Пламенем. Так работают все стихии. Но до работы с ними тебе пока далеко. Займись дровами для твоей Искры.

Опять открытые глаза, пойманная взглядом далекая искорка, перетягивание ее в свой едва тлеющий костерок, бросок,

едва заметный взгляду всплеск света... Следующая искорка, еще одна, еще. Когда закончилась эта монотонная работа, я не заметил. Пришел в себя опять отдохнувшим и полным сил. Не стал заморачиваться рыбалкой, нарезал кубиками сало, слегка обжарил его в котле, добавил воды, затем горсть крупы и через полчаса хлебал ложкой горячую жидкую кашу с салом. Попутно размышлял, как бы мне разнообразить эту ловлю блох. Ничего, кроме как представить звезды рыбками, а себя рыбаком, в голову пока не приходило. Появилась у меня одна задумка, но ее надо было проверить практикой.

Вера, говорите? Будет вам вера! Но пока «обучалка» гоняла меня в учебных поединках. Виртуальный учитель не уставал сыпать в мой адрес обидные прозвища, награждал ударами, царапал концом шпаги мне лицо. Тренировки были настолько реалистичны, что я даже ощущал запах своего вспотевшего тела. Прервались только на обед, и снова укол — защита, укол — защита. Ужин. Сон.

— Здравствуй, ученик. Вчера мы говорили о магии. Если тебя выбрало мое заклинание, то ты как минимум расположен к трем стихиям. Давай пойдем путем от простого к сложному. Самая простая стихия — это Воздух. Смотри, так выглядит эта стихия в спокойном состоянии.

Перед глазами возникло поле, расчерченное параллельными линиями, они слегка извивались, но всегда были строго параллельны.

— Добавим воображения. Хотим, например, слабый ветерок, дабы он обдувал наше разгоряченное упражнениями тело.

Линии на поле заволновались чуть сильнее, синусоида волны увеличилась, стала глубже.

— Добавим чуть огня, тут даже твоей Искры будет достаточно.

На мой невысказанный вопрос: «Что значит «добавим Огня?» — магистр ответил:

— Приложи свою Искру к рисунку.

— Хрен редьки не слаще. Как приложить то, что не взять руками, к тому, что нарисовано в воображении?

— Я не знаю, что такое «хрен», ученик, и не хочу знать, что такое «редька». Вера! И воображение! Вообрази себе Искру,

поверь в ее обжигающее пламя и приложи ее во имя Праматери к воображаемому тобой же рисунку слегка взволнованной стихии. Ну же!

Понуждаемый магистром, я чиркнул воображаемой зажигалкой, ощутил жар ее пламени на пальцах, поднес к воображаемой мною схеме... Даже сквозь сон я почувствовал, как воздух вдруг резко остыл, захотелось немедленно проснуться, осмотреться, но маг остановил меня:

— Не отвлекайся, ученик. Скажу тебе, что ты не нашел золотой середины. Как ты со своей Искрой смог вызвать снегопад, я пока не понимаю. Задание на день: тренировка получения легкого дуновения. Повторяю для тебя лично: легкого дуновения ветерка. А теперь займись своей Искрой. Открой глаза... зацепись взглядом за любую звезду...

Знаете, любая легкая, но монотонная работа выматывает гораздо сильнее, чем тяжелый, но разнообразный труд. А если он еще и интересен, то вообще по фигу все. Помните? «Нам Солнца не надо — нам Партия светит, нам хлеба не надо, работу давай». Так вот, я решил разнообразить эту ловлю огоньков, справедливо рассудив, как оказалось потом, что все равно все происходит во сне, в моем воображении, так почему я не могу представить себе некоторую механизацию этого процесса? Мэтр закончил инструктаж и исчез, а я... «включил пылесос» и принялся чистить от пыли участок неба. Через некоторое время корпус «пылесоса» начал светиться, и мне пришлось остановить увлекательный процесс, разобрал пылесос и достал из него полный светящимся песком мешок.

Воображение, говорите? Я вытряс мешок звездной пыли в свой едва тлеющий костерок, моя Искра жадно лизнула своим немощным Пламенем первую упавшую на нее звездочку, затем ее засыпало серебристым песком, и я даже испугался, не притушил ли я Пламя. Через мгновение понял — нет! На вершине маленького вулкана горело мое Пламя. До утра было далеко...

Утром — как говорят некоторые острословы, «утро добрым не бывает» — проснулся я не от того, что замерз, а от того, что в лицо мне дул холодный ветер. Хорошо, что лежал закутанный в плащ магистра, то ли ткань у него была такая, то ли заклинание на нем висело какое-то, но он не промокал, был

ветронепроницаем, и в жару под ним было прохладно. А как теперь оказалось, и зимой под ним тепло.

Зима кончалась метрах в пятидесяти. Круг, центром которого была моя лодка, был засыпан метровым слоем снега. Снег лежал на ветках кустарника, на склоне ближайшего холма, большая часть лодки тоже скрылась в сугробе, а полог угрожающе просел. Ветки кустарника, под которым я устроил себе лежак, едва держали быстро тяжелеющий снег.

Осторожно выбравшись из лодки, я стащил ее в воду, сдернул ткань полога с ветвей и, оттолкнувшись веслом от берега, уплыл из зимы. Отплыв, километра два вниз по течению, я нашел еще одну удобную бухточку, где и решил остановиться. Честно говоря, рыба стала надоедать, да и кулеш тоже, хотелось чего-нибудь жидкого с капустой, с мясом, пива, на крайний случай компота. Но внутренний голос предупреждал: «Ты не готов, тебя любой сопляк спровоцирует на дуэль, изрежет, как неумелый парикмахер клиента бритвой, и не отмоешься от позора. Учись! Пока не съешь всю крупу и сало, торопиться некуда!»

В чем-то он был прав, этот внутренний голос, очень похожий на голос погибшего мага: ни магией, ни владением шпагой я пока похвастаться не мог. Поэтому, устроив лагерь, я закинул удочку, закрыл глаза, представил себе спокойную стихию Воздуха, убавил Пламя в зиппо до предела, поднес его к схематичному изображению... Ничего. Еще раз, тот же результат. Еще раз.

— Что я не так делаю? — всполошился я. Стихия, Пламя! Подношу! Ни фиги! Тридцать хрогов мне в задницу! Стихия. Пламя. Подношу. Касаюсь. Нет эффекта. Откуда-то доносится голос учителя:

— Напоминаю некоторым невнимательным ученикам свои слова из лекции: «слегка взволнованная стихия».

Параллельные линии слегка взволновались, я нежно поднес еле горящий огонек, прикоснулся... Нежное дуновение прохладного ветерка взъерошило мне волосы.

Нет. Это могло быть совпадением. Я пожелал, а тут порыв ветерка мне в лицо. Надо попробовать еще раз.

Голос учителя:

— И ради Праматери, не закрывай глаза, когда творишь магию.

— Я попробую, магистр.

Вышел из состояния обучения, глянул на поплавок, а его на поверхности воды не было! Леска натянута, удилище согнуто, кто-то крупный пытался изо всех сил избежать костра. Подсекать смысла не было, рыба хорошо сидела на крючке, мне осталось уморить ее вываживанием и подтащить к берегу. Хороший забр (карп) килограмма на три, блестя крупной чешуей, судорожно разевая рот, обреченно отдался мне в руки. Выпотрошил и запек его прямо в чешуе на углях. Заваривать в котле какой-нибудь отвар не рискнул, с незнакомой флорой лучше не связываться, так что только речная вода по-прежнему утоляла мою жажду.

— Тэк-с, продолжим учебу. — Мастер отсалютовал мне шпагой. — Становись в позицию! Запомни, ван Оржи не злопамятны, но закон помнят. Неубитый или неотомщенный враг — это пятно на репутации всего дворянства Оржа. Противники нас должны уважать, бояться и трепетать от осознания, кого они волей или неволей оскорбили. Если вас не оскорбили, оскорбите вы, и этим вы уже выиграете половину дуэли, показав противнику свое презрение к нему и его умению владеть шпагой. Но это не значит, что вы прямо сейчас начнете вызывать на дуэли направо и налево. Искусство убивать — это умение, которое оттачивают всю жизнь. А ты едва приступил к сему процессу.

И пошло-поехало: мастер гонял меня по расчерченной на полу схеме, где были указаны позиции стопы, ставил мне кисть, учил подбирать клинок по весу, длине и гарде. Объяснял приемы принятия клинка противника на гарду, когда лезвие напрочь застревало в ней и ты колол врага кинжалом или бил его кулаком в лицо.

— Мы, ван Оржи, делаем этот прием вот так; ван Бара (передо мной возник закаленный в боях и дуэлях рубака с многочисленными шрамами на лице и в берете с тремя разноцветными перьями) — вот так. Нантец попробует так, а Соло попытается вот так. Рабатец привык рубиться саблей, поэтому попытается тебя зарубить, предварительно сломав тебе шпагу, но у нас, Оржей, и на саблю есть финты. Следи за шпагой, ученик! Вот так, так и вот так. Против этого приема нет спасения, ты колешь противника кинжалом в печень. Этот прием делается молниеносно, никто не должен заметить, как ты его исполняешь. «Удар молнии», так он называется, и пока ты не

научишься его исполнять именно молниеносно, ты не сможешь им воспользоваться. Таковы правила фехтовальной школы Оржа.

Вот так, век живи, век учишься! Хорошо бы я был в берете с перьями цветов герцогства Бара и фамилией Рэя ван Оржа. Надо срочно посмотреть в энциклопедии герцогства цвета их знамен, одежду и оружие. Так-с, что нам пишут в журнале «Семья и школа»? Ага! Орж, Бара, Нант, Соло и Рабат.

Знамя королевства — три вертикальных поля, красное, синее и зеленое. На красном поле пять солнышек, символизирующих пять герцогств, благословенных Праматерью. Три старейших герцогства имели одноцветные знамена, территории двух последних были выделены из самых больших герцогств и поэтому имели знамена трех цветов. Орж и Бара как раз и были новообразованными территориями. Хотя разделение произошло в незапамятные времена, дворяне старых герцогств вечно попрекали трехцветных молодостью происхождения. В столице королевства мода была демократична, одевались кто во что горазд. Королевские служащие предпочитали красные или бордовые мундиры и перевязи цветов департаментов, особы, приближенные к королевскому двору, оттенки синего с золотым шитьем, остальное дворянство носило камзолы и плащи цветов своей родины. Дамы никаких ограничений не имели и поэтому балы, если они случались, были похожи на полевой луг, среди цветов которого жужжали шмели, пчелы и осы.

Военные отличались только плащами. Армейцы носили белые плащи, дабы в битве было заметно, где нужны подкрепления. Морякам полагались темно-синие плащи, и так как среди них дворян не было, то обходились без перьев на таких же темно-синих беретах. Порох в этом мире был, но пока его использовали только для фейерверков. Никому в голову не приходила мысль смастерить пистоль и выпалить из него в ближнего своего. Наверное, потому что широкое применение амулетов и заменяло эти пистолы.

А что у нас с медициной? Где-то в глубине сознания сидела мысль, что мое медицинское образование и опыт позволят мне пристроиться в этом мире и безбедно прожить. Так вот о медицине. Каждый маг, обучаясь в академии, проходил курс травологии и зельеварения. Выпускник был обязан на глазах у экзаменаторов приготовить два десятка зелий и снадобий и

применить их на больном. В дальнейшем он при желании мог развить свое умение в частном порядке и в своей личной лаборатории. Эти два десятка снадобий покрывали все случаи ран и болезней, кроме, конечно, смерти.

Никакого поднятия зомби, мертвецов, гончих и драконов. Умерла, так умерла! Нет, хирургия присутствовала, удаление воспаленных органов, шитье ран, сложение костей при переломах — все это было. Однако не было послеоперационного наблюдения и прочей мороки с больными. К примеру, попал к тебе больной, диагноз — рубленая рана плечевой кости, потеря крови, сознания. Лечение — сложил обломки, полил снадобьем, ушил мышцы — другая микстура, ушил кожу — третья. Кровевосстанавливающая микстура — в зависимости, сколько крови приблизительно потерял раненый. Шлепок по щеке, звон серебра, и до свидания, пациент.

Никто не сверлил зубы! Удаление больного зуба, капля кровеостановителя, в свежую рану капля восстановителя, звон монеты, привет семье. В течение месяца зуб вырастает. Можно быстрее, и даже очень быстро, но цена на такое лечение не всем по карману. Целительством простолюдинов занималась исключительно церковь. Сестра лечила женщин, брат, соответственно, мужчин. И никак иначе. А вот снадобья и микстуры — прерогатива магов. Только они имели законное право варить зелья и отвечали за их качество.

За всеми ними следила гильдия, ибо каждое действие мага сопровождала клятва, данная им в академии перед магическими артефактами. Конечно, фиалы с зельями находились в свободной продаже, путешественники, охотники, купцы, все, кто знал, что может и не успеть добраться до храма в случае чего, имели при себе запас основных зелий. Куча народу травмировалась в королевстве за день, так что спрос на зелья был устойчивым.

Закрыв энциклопедию, огляделся, открыл карту. Снизу против течения появилась небольшая отметка — кто-то плыл, но находился еще далеко, все же десять—пятнадцать километров на веслах — это не на речном трамвайчике прокатиться. Доел забра. С луковицей и куском хлеба тот пошел на ура.

Бухточка, в которой я устроился, образовалась из-за ручья, который прорыл себе дорогу к реке не под прямым углом, а наискосок — ну не хватило ему сил смыть в русло реки

огромный камень, невесть откуда принесенный природой. Вот у этого камня я и приткнул лодку утром, удирая от зимы.

Когда устаешь от одной работы, надо просто поменять занятие. Итак, слегка взволнованная стихия, Искра, прикладываю. Йес! Правой рукой я подносил огонек виртуальной зажигалки к стихии, а левой как бы смахнул пылинку с груди, последняя фаза движения ладони была направлена в сторону реки. Узкая полоса ряби, появившаяся на спокойной до этого водной поверхности, продемонстрировала мне мои способности в магии. Едва сдержав тарзаний вопль, я взбаламутил стихию, поднес Пламя, махнул рукой, на противоположном берегу с деревьев посыпались сухие сучья, а крона выгнулась под мощным порывом ветра.

Нет. Что-то в моей магии не так. Ну глупо же тянуть кота за хвост, представляя себе стихию, пламя, жест. Все это должно делаться мгновенно. Возможно, есть вербальная формула, но ведь и она не мгновенного действия. Это как стрельба из кремневого пистоля: пока прицелишься, нажмешь на спусковой крючок, пока курок с зажатым в нем кремнем высечет искру, пока загорится затравка и огонь проникнет через запальное отверстие к основному заряду и его наконец подожжет, проходит уйма времени.

Что нам говорит энциклопедия магистра? Раздел «Магия».

Маг — это человек, покоривший стихию. Первые маги действительно взаимодействовали со стихиями вербально и жестиком. Со временем обнаружили свойства камней: кровавик (рубин) отлично подходил для накопления Пламени, опал взаимодействовал со стихией Огня, топаз — со стихией Воды, горный хрусталь — с Воздухом, коричневый кварц помогал взаимодействовать со стихией Земли. Отполированные и вставленные в оправу камни могли принять в себя заклинание, хранить его бесконечно долго и освободить его мгновенно, узким направленным лучом по мысленной команде активации артефакта. Вот это умение мгновенно активировать артефакты, их заряжать и конструировать и было основным умением и обязанностью магов.

Чем мощнее Пламя у мага, тем мощнее получались у него амулеты. Тем дороже они стоили. Естественно, еще дороже стоили амулеты, сводившие действие стихии на нет. Все было банально: просто вода гасила огонь, огонь плавил и спекал

землю, земля либо засыпала, либо пропускала через себя воду, воздух тормозился дождем. Но было одно «но». Человек, не имеющий в себе Искры, пользоваться амулетами не мог. Он мог обвешаться накопителями с головы до ног, вооружиться стихийными амулетами до зубов, но активировать их не мог! Вот за это и ценили магов.

Один архимаг, несколько магистров, сотня простых магов — и любое королевство чувствовало себя в безопасности. Правда, долго живущие маги не любили воевать, война для них — это зачастую смерть, а со смертью мага умирало и его Пламя, а значит, и все его амулеты превращались в обыкновенные драгоценности. Вот и представляли они возможность перемалывать армии военным. Войны были, как же без них, а куда прикажете девать идиотов?

Кроме того, существовали разбойники, пираты, какие-то свободные баронства. Кстати, и баронам не сиделось в своих баронствах, спор на каком-то балу перерастал в дуэль, а та, в свою очередь, в войну. Сюзерен в такие дела обычно не вмешивался. «Дело чести», а честь, как известно, превыше всего! На планете было три континента, несколько крупных и не очень островов, а также невесть сколько островков, оставшихся от затонувшего в результате какого-то катаклизма четвертого континента. Границы государств давно устоялись, короли в большей части были родственниками, в третьем, пятом, десятом колене всегда можно было найти общего родителя или родительницу.

Но вернемся к магам. Создавая амулеты, маги изобретали разные полезные вещи. Они могли запустить взаимодействие стихии и накопителя, так появились магические светильники и прочая мелочь, не требующая большого расхода Пламени. Сравните расход энергии на приготовление простого омлета на электрической плите и емкость батарей светодиодного фонаря.

— Ну-ка глянем, что собой представляет амулет? Раздел «Артефакторика». Итак, вот схема: камень стихии, оправка, управляющая линза. А это что за хрень? Ага, вот оно — управляющая линза. Личный отпечаток Пламени. То есть у каждого мага Пламя имеет оригинальный цвет и рисунок. А от мощности Пламени зависит глубина рельефа оттиска. Получается, что из всех амулетов магистра я могу пользоваться только накопителями, стихийные мне придется переделывать. Ку-

лон разряжен полностью, ван Бара прыгнул порталом, поддерживал себя некоторое время, пока меня не нашло заклинание, ну и титул Последнего Ученика.

В общем, в магическом плане я пока отрицательная величина, в умении тыкать шпагой — ноль. Надо спросить у магистра, нет ли обходных путей, возможен ли вариант ускоренного обучения; может, мне для начала обучиться фехтованию и, уже обезопасив свою жизнь возможностью противостоять в поединках, только тогда продолжить обучение магии? Не сидеть же мне в кустах полжизни.

В рассуждениях и чтении энциклопедии я потратил часа три времени. Мимо проплывала довольно большая галера, барабан задавал ритм гребцам, и те, довольно шустро загребая веслами, гнали ее вверх по течению. Жизнь рядом и бьет ключом, а я, как мышь, забился в норку. От вспыхнувшего раздражения я скрипнул зубами, придал стихии Воздуха очертания вихря, полыхнул пламенем зажигалки... махнул... порыв ветра едва не выбросил галеру на берег, барабан тревожно зачастил, галера резко ускорилась и скрылась за поворотом.

— Однако! А как у нас выглядит стихия Огня? Вот как? А Воды? Земли? Ну надо же!

Стихия Огня выглядела как... пионерский значок, но без изображения кучерявого пацаненка. Звездочка и три языка пламени. Зная, что с огнем шутки плохи (мне эти знания «любовно» привил еще отец, когда застал меня, пятилетнего, со спичками в сарае), я приложил к прекрасно видимой схеме тлеющий фитиль, на пальцах загорелся реальный огонек. Он колебался под воздействием порывов слабого ветерка, но не тух. Кстати, пальцы не ощущали его жара. Челюсть больно ударила меня по коленкам. Нет, я не дикарь какой-то, вид огня меня не напугал, горящее на конце пальца пламя просто завораживало своим цветом, ярко-алые язычки трепетали в поисках поживы, и я им ее дал. Щелчком сбросил язычок на кучку плавника, принесенную волнами, высушенную ветром и солнцем. Магический огонек практически мгновенно распространился по сушняку, и вот передо мной горит нормальный костерок.

— Хех! Зиппо, зиппо. Хвост главное в жизни! Ну, раз горит костер, а дело к ужину, приготовим-ка мы себе нашу любимую кашу.

Со стороны, наверное, было интересно наблюдать за мной. Я разговаривал сам с собою, смеялся и ругался. Жестикულიровал и разглядывал свои пальцы. Наконец ужин был готов, я достал из сумки ложку и, глядя на горящий костер, принялся за кашу. Темнело, ни читать, ни спать пока не хотелось. Я огляделся «радаром» — огонек галеры исчезал за зоной его действия, и вокруг ничего опасного не было. Достал «Нокию», нажал в меню на плеер, подключил и вставил в уши наушники. Выбрал из длинного списка концертов свой любимый и ткнул кнопку «плей». Сюр! Под чужим небом и зарождающимися в вышине закатного пламени Праматери звездами звучал гимн любви. Трое мужчин были готовы отдать все ради любимой. Рыцарь — жизнь, аббат — веру, уродец — свою душу дьяволу. За день камень прогрелся, и я пристроился спать на его плоской вершине. Завернулся в плащ, закрыл глаза.

— Здравствуй, ученик! — А у меня в голове еще звучала музыка любимых мною песен. — Это ваша музыка и песни?

— Да, учитель.

— Звучат красиво, и хотя я не понимаю твоего языка, но гармония в звучании слов и нот прекрасна.

— И слова, учитель. Песня рассказывает о неразделенной любви трех мужчин к нищей, но красивой девушке. Каждый из них готов отдать все ради ночи с ней. Рыцарь — жизнь, священник — веру, уродец — душу.

— Ну и кто, по-твоему, приносит большую жертву?

— Уродец, учитель.

— Объясни.

— По религии моей земли есть Бог и его вечный враг дьявол. Кстати, бывший его лучший ученик и друг, потом они поспорили, вспыхнула вражда, война, кровь, страх и ужас. Так вот, души подлецов, убийц, отступников попадают в чистилище, и там наш Бог прощает убийц и подлецов и пропускает их на перерождение, а вот души отступников улетают прямо к дьяволу. Считается, что он их там вечно мучает и терзает. Хотя лично я думаю, не стал бы дьявол тратить время на пытки, скорее всего, он кует из них свою армию.

— У нас все проще. Мерзавцы гниют на свалках, где их поедают хроги, остальные улетают к Праматери, очищенные огнем. Но оставим теологические споры. Есть ли у тебя вопросы ко мне?

— Есть, учитель. Я не успеваю. Мне надо тренироваться с мастером фехтования, я постигаю мудрость магии с вами, какое-то время трачу на увеличение силы моей Искры, таская огоньки звезд, днем энциклопедия, общие знания, тренировки и закрепление пройденного, приготовление пищи, наконец. Нет ли способа ускорить обучение?

— Такого способа нет. Но есть способ растянуть время.

Первые три слова ввергли меня в уныние, зато следующие пять дали надежду.

— Я весь внимание, учитель.

— Сон. Нужно упорядочить сон. Надеюсь, ты знаешь, что во сне время очень сильно замедляется, в коротком сне можно прожить целую жизнь. За ночь, по подсчетам магов, можно прожить до тридцати жизней. Правда, утром голова будет гудеть как набатный колокол, но несложное зелье быстро устраняет недуг. В моей сумке оно есть. Посмотри внимательно в отделении с фиалами. На крышке нарисован муравей, кстати, из муравьев и ягод дикого крея (облепихи) оно и готовится, рецепт найдешь в книге. Там семь порций, они переложены листом леепы (липы), что хранит их от высыхания и потери свойств. Твоя Искра... Ого! Не может быть! Такое впечатление, что ты целый год таскал в нее огоньки звезд. Что ж, посмотрим на дальнейшее развитие событий, а пока разделим ночь. Мои семь частей, мастера-фехтовальщика семь частей, на сбор огня семь частей, остальное твой отдых.

Он помолчал и продолжил:

— Давай-ка посмотрим, чего ты достиг за сутки... Вот, посмотри на стихию Воды... приложи пламя Искры и помни о золотой середине... Ты готов? Становись в позицию! Наступай след в след, эту схему рисовали своей кровью лучшие фехтовальщики Оржа. Это тайна тайн. Никакие попытки не вытянут из тебя ее схему. Да и никто не будет пытаться, ты даже не десяти тысячный, кто знает ее, фехтует по ней и забывает о ней, выпустив из рук шпагу... Этот прием Оржи делают так... нет, не так, а вот так... кисть выровняй... коли.. защищайся...

В небо, полное звезд... запустил кастрюльки роботов-пылесосов... семь штук... мелодичный сигнал, и первый из семерки подплыл ко мне, включил реверс и выдул свою добычу мне в огонек. Они запрограммированы таким образом, чтобы ежедневно один приносил мне добычу и скармливал ее Искре...

Утро

Голова раскалывалась! Протянул руку к сумке, нашел отложенный фиал, приоткрыл один глаз, навел резкость. Надо было убедиться, что это именно то лекарство, не хватало еще перепутать его с каким-то слабительным. Открыл, перевернул сосуд, в подставленную ладонь упала зеленая пилюля, убрал фиал на место, закинул пилюлю в рот и скривился от ядреной кислоты лекарства. Увы, инструкция по применению запрещала заедать и запивать оное снадобье. Терпеть! Не менее получаса. Слюна, хлынувшая в рот, пыталась смыть эту отраву, и в конце концов ей это удалось. Взамен тяжесть и отчетливо слышимое эхо сердцебиения в кровеносных сосудах мозга ушли, взор прояснился, появился зверский аппетит, который в свою очередь пришлось унимать остатками вчерашней каши. «Мало!» — заявил желудок, пришлось добавить кусок сала и луковицу.

Однако! Глянув на остатки сала, крупы и хлеба, понял, что завтра, максимум послезавтра мне нужно будет пополнить запас еды. В конце концов, я не нищий! Мэтр оставил мне денег, да и с разбойников капнуло. Увидев лежащую шпагу, я взял ее в руки... Ого! Тело привстало на цыпочки на подпружиненных ногах, кисть направила шпагу горизонтально земле в лицо воображаемому противнику, левая рука выхватила кинжал и вытянулась параллельно правой. Укол, укол, финт, обводка, отбить кинжалом ответный удар врага, шпагой принять на гарду выпад. Есть! Клинок противника застрял в клинколе, осталось слегка повернуть свою шпагу, а мой кинжал уже торчит в глазу врага. Шаг назад, ритуальный поклон и салют шпагой поверженному сопернику.

Нехило меня натаскал мастер за ночь. Мелодично зазвучал сигнал звездосборника, в груди прокатилось тепло. Проверю-ка я, что успел мне рассказать за ночь мэтр. Итак, стихия Воздуха, стихия Воды, стихия Огня и пока очень слабое реагирование со стихией Земли. Кстати, Учитель вообще не имел предрасположенности к стихии Земли, у него и амулетов этой стихии не было. Поэтому он и на раскопках задержался, пришлось ковырять землю вручную.

Еще одна местная особенность: маг мог пользоваться только своими амулетами. Пламя одного мага конфликтовало с Пламенем другого. Вот за эти капризы магии военные и не

любили связываться с магами, предпочитали действовать грубой силой оружия и, как им казалось, блестящими ходами тактики и дальновидной стратегии. На самом деле вся баталия заключалась в защите пехоты и атаке конницы. Да, да. Конницы. Вообще животный и растительный мир мало чем отличался от моей родной планеты, нет, конечно, были и различия — у кого-то клыков побольше, у кого-то клюв длиннее, у кого-то пасть пошире.

— Что-то меня сегодня все бросает на лирические отступления, — пробормотал я. — А между тем у меня крайне мало времени. Давай, Ежик, меньше дебатов, а больше лопатой (так в ответ на мой недовольный бубнеж говорила мне в детстве мама, копая картошку).

Итак, Вода, схематично та же звездочка, но три капли вниз. Поднес слабый огонек своей Искры, из реки поднялся столб воды метра в три высотой, точь-в-точь хобот торнадо, так же закручен и извивается. Жест смахивания крошки со стола тыльной стороной ладони, и «хобот» понесся к противоположному берегу, там он выплеснулся, подмыл какую-то корягу, она шумно свалилась в воду. Убавим пламени, но добавим жестом силы. Прикосновение — на поверхность реки всплыл ледяной шар, я жестом придал ему направление и ускорение, шар торпедой ударил в злосчастную корягу, ту опять выбросило на берег.

Нехило, из меня получится отличный местный Маринэско. Я уже представлял себе торпедированные галеры пиратов, сундуки с драгоценностями и освобожденных длинноногих и пышногрудых пленниц у себя на руках.

Стихия Огня. Поднес к схеме-значку пламя поярче, в результате получил плюющийся искрами шарик, который с перепугу сбросил в реку и был едва не ошпарен брызгами рванувшего ввысь гейзера. Загляну-ка я в справочник магистра. Так и есть, фаербол не бросается, а запускается в направлении противника. Лодочкой сложенная ладошка, и жест правой рукой, в которой горит стихия, «мягкая подача». Огонь вообще не любил резких движений. Первые метры он летел плавно и медленно, но затем сам ускорялся и в зависимости от приложенной силы либо взрывался на цели, обжигая ее, либо прожигал ее насквозь.

— А хрен редьки не слаще.

Земля. Схема-ключ активации — круг с заключенным в него квадратом. Искру подносят к кругу. Управляя этой стихией, можно было копать, засыпать, трамбовать, укреплять. Прекрасно сочеталась со стихией Огня. Маги, владеющие обеими этими стихиями, были редки и уважаемы. Из-под их рук выходили неразрушимые шедевры архитектуры. Все крепости построили они, дворцы короля и прочих знатных вельмож, которые сумели оплатить услуги магов, тоже. Оружие, выкованное ими, не имело цены и передавалось по наследству. Попавшее в руки врага, выкупалось за любые деньги. Часто случалось, что дворянин оставался бос и гол, но с бесценным клинком в руках, и был счастлив.

У меня пока слабое взаимодействие с этой стихией, но пробовать надо. Жест, ладонь с растопыренными пальцами. Круг, квадрат, Искра, прикосновение. Ладонь направлена на горку сухого песка. На моих глазах горку утрамбовало в плитку песчаника. Провел по ней пальцами, оценил шероховатость — отличный брусок точить кинжал, топор, нож. Шпагу, как оказалось, точили специалисты. Опять сигнал «Кормильца», и очередной бункер звездной пыли выгрузили в костер. Опять приятное тепло распространилось по телу. Привычно огляделся «радаром», теперь уже сверху по течению спускались несколько оранжевых огоньков.

— А что, если попытаться у них прикупить продуктов? — начал я разговор сам с собою. В конце концов, купцы возят с собой запас, да и на продажу. Внизу по течению столица герцогства, там самый крупный рынок региона. Решено, иду на перехват.

Быстро умылся, оделся, выдернул перья с берета, опоясался поясом с кошельком и кинжалом, приготовил пустой мешок и, столкнув лодку в воду, сел на весла. Так как фарватер реки проходил возле противоположного берега, то я и причалил к нему в районе потрепанной моими опытами коряги. Вскоре показалась большая баржа, «радар» показал двенадцать условно опасных субъектов на борту. Когда баржа оказалась практически рядом, я прокричал приветствие и свою просьбу.

— Догоняйте, ваша милость! Остановить баржу нет никакой возможности, — ответил мне сухонький старичок. Ну что же, догнать так догнать, лодка всяко легче и быстрее баржи. И вот я уже стою на палубе грузовоза. Кроме хозяина и шестерых членов команды на борту находились и пассажиры. Они

сидели на лавках импровизированной беседки с полотняной крышей, баржа была не настолько велика, чтобы мы не смогли рассмотреть друг друга, и по этикету должны были поздороваться и представиться. Причем первым это положено было сделать мне как новоприбывшему. Пока хозяин собирал заказанное, я подошел к беседке и назвал себя.

— Рэй ван Орж, здесь проездом и на отдыхе, — сделал шаг назад, сдернул берет и слегка наклонил голову.

Трое мужчин поднялись и ответили на приветствие, дама кивнула мне, не вставая, а два наглеца в одежде цветов Нанта, демонстративно не обращая на меня внимания, вдруг громко расхохотавшись, стали громко обсуждать мой наряд и непрезентабельный вид.

— Ты посмотри на этого петушка, наверное, выпрыгнул из окна чужой женушки, спасаясь от рогоносца, и даже перья потерял.

— Забился в глушь на отдых, — ответил второй.

Весь диалог сводился к вызову на дуэль, такое не прощалось.

— Господа, — обратился я к ответившим на мое приветствие мужчинам, — прошу вас быть свидетелями, я был кроток и вежлив.

— Господа, — это уже к наглецам, — прошу в танцкласс, будем учиться вежливости. Эй, кто-нибудь, принесите мне шпагу из лодки. — Кто-то подал мне ее в руки. — Господа! Давайте-ка проверим остроту ваших клинков на предмет их соответствия остроте вашего языка. Вдруг окажется, что язык острее, тогда я вам их укорочу. Нападайте! Оба!

Тело, получив смертоносное жало клинка в руки, встало в позу богомола. Я не смотрел на противников. Расфокусированное поле зрения охватывало все перед собой и даже с обоих боков примерно на двести сорок градусов, противники замерли напротив.

— Ну же, господа! — Я стоял на цыпочках и балансировал телом, как змея на хвосте. Кинжал смотрел в лицо одного противника, шпага в другого. — Судя по тому, что вы медлите, вы чаще бываете в постелях друг у друга, чем на дуэлях. И кто из вас мужчина?

Удар ниже пояса, противники с ревом бросились в атаку. Я длинным шагом ушел в сторону, поставил их в одну линию,

двумя парированиями и одним уколом уполовинил атакующих.

— Ага! Так это вы, сударь, выполняете в вашей любовной интриге роль женщины? Ведь только дамы прячутся за спины своих возлюбленных.

Атака потерявшего голову от ярости наглеца едва не сбросила меня за борт. Портоса помните? Вот такой комплекции господин пытался наколоть меня на свою шпагу. Но теперь нас двое, и опять знаменитая стойка Оржей. Противник ушел в глухую оборону. Нет, братец, у нас, Оржей, и на это есть лекарство. Глубокий выпад и укол в ногу, противник присел от боли, еще один молниеносный укол во вторую, враг упал на колени, и завершающий укол в шею. Шаг назад, поклон, салют шпагой. Два мертвеца на палубе подтвердили, что победитель не расположен сегодня к шуткам. Свидетели привстали, молча поклонились мне в ответ. Хозяин держал на вытянутых руках мой мешок, а я отдал еще одну команду:

— Оружие и кошельки наглецов ко мне в лодку. Вот тебе, хозяин, деньги за продукты и по паре медяков на «уход к Пра-матери» для дураков. Честь имею, господа!

Кроме оружия и кошельков в лодку сбросили плащи, береты и сумки. Что с бою взято, то свято! Это правило, видимо, действует во всех уголках вселенной.

Спрыгнул в лодку, мне бросили веревку, и баржа уплыла вниз по течению. Пока происходили описываемые выше события, мы отделились от моей стоянки на приличное расстояние. Выгребать против течения я не видел смысла, ибо, как говорится, все свое ношу с собой. Осталось осмотреться и найти какое-нибудь уединенное и желательно живописное место. А таких оказалось великое множество. Наконец я остановился на одном, удовлетворяющем всем моим потребностям. Могучее дерево склонило ветки в реку, то ли купая их, то ли пытаясь ими ухватить кого-то в воде. Небольшой пляж и хижина под высоким берегом. Старое заброшенное кострище говорило о том, что последнее посещение этого места было никак не менее года тому назад.

То, что доктор прописал! Рыбалка в этом месте должна быть богатая, место прикрыто со всех сторон. Жилье практически готово, осталось слегка подправить, благо инструмент есть, а материала для стройки немерено. На этот раз лодку не вытаскивал, а, разгрузив мешки и добычу, привязал ее к кор-

ням хозяина этого места. Сначала очистил кострище, оказалось, оно было довольно хорошо устроено, очистил камни от песка и старых углей. Затем занялся хижинкой, сплетенной из веток рядом стоящего дерева. Ее крыша требовала небольшого ремонта, да и лежак, тоже из веток, следовало обновить. Чем я, собственно, и занялся.

Залез на толстый сук, срубил десятка три-четыре сильных веток с обильной листвой. Часть материала пошла на крышу, часть на лежак. Недалеко волна когда-то выбросила на берег причудливую корягу. Присмотревшись, я понял, что смогу смастерить из нее чудесное кресло.

До вечера я едва успел устроиться и осмотреть трофеи. Плащи как плащи, я бросил их на лежак. Береты. Зачем мне два лишних берета, тем более потрепанных и засаленных? Я хотел уже запулить их в реку, но что-то удержало меня, и я повесил их на ближайшей ветке.

Шпаги. Ничем не лучше моей по гибкости и остроте, единственное достоинство — это перевязь и ножны. Ножны с перевязи «Портоса» были поприличней, а перевязь его товарища идеально подошла мне по размеру. Кинжалы. Один я сразу отложил, рисунок витой гарды почти соответствовал моей шпаге, да и ножны были хорошие, крепкие. Второй тоже, на мой взгляд, был неплох, но не таскать же мне сто пудов железа на себе только из эстетических соображений.

Кошельки. Десять и пять золотых соответственно, по десятку серебра. Тут же пересчитал монеты из кошелька покойного магистра. Сотня золотом и полсотни серебром! Богатым был мой учитель, но, помнится, он говорил про пару долгов и пару обязательств. Надеюсь, он не переложит на меня уход за престарелой бабушкой, маленькой внучкой и долг в тысячу золотых.

Поэтому золото тратить не будем, обойдемся пока серебром. Ссыпал золото к золоту и, напевая песню из мультика: «Одна таньга, моя таньга», — начал рыть ямку в дальнем углу хижинки, дабы спрятать туда кошелек, и на глубине около полуметра наткнулся на какой-то сверток. Пришлось раскапывать. находка, чуть более метра длиной, была обернута тканью и перетянута ремнем старой перевязи. Расстегнул ремни, развернул сверток и обнаружил темный клинок и трость с набалдашником в виде грифона. Клинок чуть больше метра, трость около восьмидесяти пяти сантиметров. Гарда шпаги

неимоверного рисунка. Казалось, кружево из стальной проволоки нарисовано, но оно было функционально, я сразу нашел клинколомы и ловушки. Берет. Герб и цвета Орж.

Ткань, в которую были завернуты клинок и трость, оказалась плащом с теми же свойствами, что и плащ магистра, то есть он был непромокаемый и непродуваемый. Поэтому оружие сохранилось в том виде, в каком его туда положили. Не скрою, после этой находки я истыкал трофейной шпагой каждый дециметр пола хижины увы, моей жабе пришлось довольствоваться единственной находкой. Передумав прятать кошелек, я положил его обратно в сумку и занялся поклажей наглецов.

Сумка «Портоса» порадовала отличным бритвенным прибором, куском душистого мыла, парой отличных полотенец и двумя бутылками вина. Сумка его напарника — парой нового белья, небольшим квадратным зеркалом примерно шесть на шесть сантиметров, новой жилеткой и рубашкой, а также книгой. Сразу посмотрел на себя в зеркало, но оно было, во-первых, паршивого качества, во-вторых, маленькое, поэтому ничего толком разглядеть в надвигающихся сумерках не удалось.

Пригляделся к трости, что-то в ней было неправильное, неуловимо неправильное. Я покрутил ее в руках — удобная крепкая трость, рукоять хорошо ложилась в руку... Здесь продолжением рукояти должен быть клинок! Я лихорадочно стал искать механизм освобождения клинка. Есть! Под усилием левого мизинца крыло грифона утопилось в ручку, послышался щелчок, ножны соскочили с узкого шестидесятисантиметрового штыковидного лезвия, и появившаяся спрятанная доселе гарда оплела мою кисть надежной защитой. Однако! Поднял ножны, вложил клинок. Дойдя до определенного места, гарда щелчком спряталась в пазы, и трость опять стала безобидной безделушкой. Еще пару раз попробовал освобождение клинка и понял, что могу это делать достаточно быстро.

Пужинал хорошим куском копченого мяса и запил его неплохим вином. По ходу дела несколько раз принял «собираателей звезд», каждая порция, поглощенная моей Искрой, наполняла меня внутренней энергией. Казалось, еще немного, и я начну светиться. Мне не удалось сегодня почитать энциклопедию, потренироваться в магии, но я посчитал, что

день прошел удачно. С этой мыслью я лег на лежанку, натянул на себя плащ и заснул.

— Здравствуй, ученик.

— Здравствуйте, учитель.

— Давай посмотрим, как ты закрепил мой урок за день.

— Простите, мэтр, но мне не удалось выкроить время для тренировок.

— А что так? Чем ты был занят?

— Во-первых, учитель, у меня закончилась еда, я не могу питаться одной рыбой и пить воду из реки. Я попытался ее купить на проходящей мимо моей стоянки барже.

— И?

— Двое нантцев спровоцировали дуэль, и мне пришлось их убить.

— А что, «милосердия» не получилось?

— Ради Праматери! Какое «милосердие»? Их двое, я один, опыта никакого, как я их убил, ума не приложу. Скорее всего, они сами зарезались. У меня ведь до сегодняшней дуэли не было никакой практики. Мало того, насколько я знаю, фехтование — это спортивное искусство. Человек с неподготовленными мышцами не может противостоять тем, кто держит шпагу с детства. У меня есть небольшой военный опыт, все же я проходил службу в спецвойсках, но моей основной специальностью было оказание первой медицинской помощи раненым. Правда, я готовился и по обычной программе бойца, а это означает обучение различным приемам борьбы с оружием и без.

Да, после армии я старался держать форму, работа на «скорой помощи» — это не прогулки с девушкой по Рио-де-Жанейро. Иногда на ложных вызовах приходилось отстреливаться из стопперов от озверевших банд наркоманов. Там-то я и приобрел навык «бац — и в глаз».

— Стоппер — это твой амулет? И чем он стреляет? К какой стихии привязан?

— Да, мэтр. Это амулет, стреляет каменными шариками.

— Все же стихия Земли. Сожалею, ученик, но с землей у меня нелады. Теперь по твоим вопросам. Повтори-ка мне определение магии.

— Магия, по магистру Дюю ван Бара, определяется как пять десятков долей веры, три десятка долей Пламени, десять долей трудолюбия и десять долей удачи.